

Четвёртая Мировая война

Субкоманданте Маркос

20 ноября 1999 г.

Оглавление

Изменение в структуре войны	3
Война ведётся не только оружием	8
Новое завоевание	14

Изменение в структуре войны

Согласно нашей концепции, так называемые мировые войны, будь то Первая, Вторая или же те, что мы называем Третьей и Четвертой, обладают многими постоянными характеристиками.

Одна из таких характеристик — это завоевание территорий и их реорганизация. Если вы посмотрите на карту мира, то увидите, что после окончания любой из мировых войн в мире происходили не только территориальные изменения, но и перемены в обустройстве этих территорий. После Первой мировой войны возникла одна карта мира, а после Второй мировой — другая.

В результате окончания того, что мы решаемся назвать Третьей мировой войной, а другие называют «холодной войной», тоже состоялось завоевание и последующая реорганизация территорий. Это произошло в конце 80-х и совпало с распадом социалистического лагеря, возглавлявшегося Советским Союзом. И с началом 90-х, начало вырисовываться то, что мы называем Четвертой мировой войной.

Другая отличительная черта — это уничтожение противника. В случае Второй мировой войны это был нацизм, а Третьей — все, что было известно как СССР и социалистический лагерь, противостоявший капиталистическому миру.

Третья отличительная черта — это управление завоеванным. В момент, когда территории завоеваны, необходимо начать управлять ими так, чтобы это было выгодно победителю. Мы часто используем термин «завоевание», потому что являемся экспертами в этом деле. Государства, которые раньше назывались национальными, всегда стремились к завоеванию коренных народов. Несмотря на эти постоянные черты, существует ряд переменных, изменяющихся от одной войны к другой — стратегия, участники, то есть стороны, применяемое ими вооружение, и, наконец, тактика. Несмотря на постоянное изменение тактики, она всегда проявляется, и для понимания сути той или иной войны ее можно изучать.

Третья мировая, или «холодная», война занимает период с 1946 года (или, если угодно, с бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 году) до 1985–1990 годов. Это была большая мировая война, состоявшая из множества войн локальных. И, как все остальные, она закончилась завоеванием территорий и уничтожением противника. Следующий шаг — переход к управлению завоеванным и реорганизация территорий. В этой войне были следующие участники: во-первых, две сверхдержавы — Соединенные Штаты и Советский Союз со своими сателлитами; во-вторых, большинство европейских государств; в-третьих, Латинская Америка, Африка и часть Азии и Океании. Страны периферии вращались вокруг США или СССР, согласно тому, что их больше устраивало. За сверхдержавами и странами периферии находились зрители и жертвы, то есть остальной мир. Борьба между сверхдержавами не всегда происходила напрямую. Часто она осуществлялась посредством других стран. Тогда как крупные промышленно развитые государства присоединялись к тому или иному блоку, остальные страны и их население выступали в качестве зрителей или жертв. Основными характеристиками этой войны было: первое — гонка вооружений, второе — локальные войны. Обладавшие ядерным оружием сверхдержавы соревновались между собой в том, сколько раз они могут уничтожить мир. Способом давления на противника была демонстрация превосходящей его силы. И в

то же время в разных местах планеты развязывались локальные войны, за которыми стояли сверхдержавы.

Как всем нам известно, результатом оказались поражение и распад СССР и победа США, вокруг которых сегодня объединено подавляющее большинство стран. Именно в этот момент начинается то, что мы называем Четвертой мировой войной. И здесь возникает одна проблема. Результатом предыдущей войны должен был стать монополярный мир — одна страна должна доминировать над всеми остальными, в мире, где у нее нет противников, — но для того, чтобы это стало реальностью, монополярный мир должен осуществить то, что известно как «глобализация». Представьте себе мир как большую завоеванную территорию, где противник уничтожен. Этим новым миром необходимо управлять, поэтому он должен быть глобализован. Поэтому происходит обращение к информатике, которая в истории развития человечества столь же важна, как когда-то изобретение паровой машины. Информатика позволяет находиться в любом из мест одновременно, теперь больше нет границ, ни временных, ни территориальных преград. Благодаря информатике начинается процесс глобализации. Стираются разделения, различия, национальные государства — и мир превращается в то, что довольно точно называют мировой деревней.

Концепцию, которая дает основания для глобализации, мы называем «неолиберализмом». Это новая религия, которая позволит, чтобы этот процесс был доведен до конца. В Четвертой мировой войне опять завоевывают территории, уничтожают противника и управляют уже захваченными землями.

Вопрос в том, какие территории необходимо завоевывать и кто является противником. Поскольку предыдущий противник уже исчез, мы утверждаем, что нынешним противником является человечество. Четвертая мировая война уничтожает человечество по мере того, как глобализация становится универсализацией рынка. Все человеческое, что возникает на пути рыночной логики, объявляется враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден: индейцы, не индейцы, наблюдатели за соблюдением прав человека, учителя, интеллектуалы, артисты. Любой, считающий себя свободным и таковым не являющийся.

В этой Четвертой мировой войне применяется то, что мы называем «разрушением». Территории разрушаются и освобождаются от людей. Во время войны территорию противника необходимо разрушить, превратить в пустыню. Но не просто из страсти к разрушению, а для того чтобы потом восстановить и заново упорядочить. В чем состоит основная проблема глобализации монополярного мира? В национальных государствах, сопротивлениях, культурах, формах взаимоотношений внутри каждого из народов, во всем том, что делает их разными. Разве может эта деревня стать мировой и весь мир одинаковым, если все такие разные? Когда мы говорим о необходимости разрушить и опустошить национальные государства, это не обязательно означает физическое уничтожение людей, но обязательно — это уничтожение различных форм человеческих взаимоотношений. После разрушения необходимо восстановление. Восстановить территории и отвести на них людям место, которое определяют законы рынка, — именно к этому ведет глобализация.

Первое препятствие — это национальные государства: необходимо напасть на них и разрушить. Нужно уничтожить все, что делает государство «национальным», —

язык, культуру, экономику, политическую структуру и социальную ткань. Национальные языки больше не нужны, необходимо их ликвидировать и утвердить новый язык. Вопреки тому, что можно подумать, этот язык — не английский, этот язык — информатика. Надо свести к одному все языки, перевести их на язык информатики, даже если этот язык — английский. Все культурные аспекты, делающие француза французом, итальянца — итальянцем, датчанина — датчанином, мексиканца — мексиканцем должны быть разрушены, потому что это барьеры, мешающие доступу к глобализованному рынку. Вопрос уже не в том, как создать один рынок для французов, а другой — для англичан или для итальянцев. Нужно создать один-единственный рынок, где один и тот же человек сможет потреблять один и тот же продукт в любой части мира и где этот человек будет вести себя как гражданин мира, а не как гражданин национального государства.

Это значит, что с этим процессом сталкивается история культур, которая является в Четвертой мировой войне противником. Особенно серьезно это для Европы, где проживают народы с очень давними традициями. Французская, итальянская, английская, немецкая, испанская и прочие культурные логики — все, что не может быть изложено в терминах информатики и рынка, — являются для глобализации препятствиями. Товары будут теперь циркулировать по информационным каналам, и все остальное должно быть или убрано, или отложено в сторону. Национальные государства обладали собственной экономической структурой и тем, что называлось «национальной буржуазией», — капиталистами, проживавшими в своей стране и там же получавшими свою прибыль. Так продолжаться больше не может: если вопросы экономики решаются на мировом уровне, экономическая политика любого национального государства, которое попытается защитить интересы своих национальных капиталов, будет объявлена врагом. Договор о свободной торговле и то, что привело к Европейскому Союзу и евро, — все это симптомы глобализации экономики, хотя, как это происходит с Европой, речь вначале заходит лишь о региональной глобализации. Национальные государства пытаются выстраивать свои политические взаимоотношения, но политические взаимоотношения теперь уже не годятся. Я не определяю их как плохие или хорошие: дело в том, что эти политические взаимоотношения являются препятствием для действия рыночных законов.

Национальный политический класс уже стар и должен быть заменен. Напрягите вашу память и попытайтесь припомнить имя хотя бы одного сегодняшнего крупного европейского государственного деятеля. Скорее всего, вам это не удастся. Главные персонажи Европы евро — это такие личности, как банкир, президент Бундесбанка. То, что он скажет, предопределяет политику президентов и премьер-министров разных стран Европы.

И если социальная ткань сейчас разорвана, бывшие отношения взаимопомощи, делавшие возможным сосуществование внутри национальных государств, сегодня тоже рвутся. Это питает различные кампании, направленные против гомосексуалистов и лесбиянок, против мигрантов, различные кампании ксенофобии. Все, что раньше находилось в определенном равновесии, разлетается вдребезги в момент, когда война атакует национальное государство и превращает его в нечто совершенно другое.

Речь идет о сведении всех к общему знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и об утверждении в мире только одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика: информатика должна стать работой, главной человеческой ценностью должно стать количество кредитных карточек, а также покупательная и производительная способность. В случае с преподавателями это очень просто. Уже неважно, у кого больше знаний и опыта, сейчас главное — кто проводит больше исследований, от этого зависят зарплата, социальная защита и место в университете.

Все это тесно связано с североамериканской моделью. Тем не менее, Четвертая мировая война приводит к противоположному эффекту, называемому нами «расщеплением». Парадоксальным образом мир не превращается в единое целое, а наоборот, раскалывается на множество частей. Несмотря на то что, как предполагается, граждане мира должны становиться все более похожими друг на друга, из существующих ныне различий возникают все новые и новые — гомосексуалисты и лесбиянки, молодежь, мигранты. Национальные государства действуют как одно большое государство-земля-акционерное общество, дробящее нас на множество осколков.

Если вы посмотрите на карту мира этого периода — периода окончания Третьей мировой войны — и проанализируете историю последних восьми лет, вы увидите, что произошел значительный передел мира, особенно в Европе, но не только там. Там, где раньше была одна страна — сейчас их стало много, и карта мира продолжает дробиться. Таков парадоксальный результат Четвертой мировой войны. Вместо глобализации мир раскалывается и вместо того, чтобы под действием этого механизма все жители мира становились все более одинаковы и подчиненными ему, между ними возникает все больше и больше различий. Глобализация и неолиберализм превращают мир в архипелаг. И этому необходимо навязать рыночную логику, подвести все под общий знаменатель. Это мы называем «финансовой бомбой».

Одновременно с возникновением людей, отличных от других, умножаются различия. У каждого молодого человека — своя любимая группа, свои понятия о жизни, например, в каждой стране есть панки и скинхеды. Сейчас отличные не только отличны, но и множат свои различия и ищут собственную идентичность. Очевидно, что Четвертая мировая война не предлагает им зеркало, где они могут увидеть, что объединяет их с остальным человечеством, напротив — им предлагается разбитое зеркало. Каждый выбирает доставшийся ему осколок и с ним — свое поведение в жизни. Пока власть чувствует, что в ее руках — контроль над архипелагом, над людьми, не над территориями, — она за себя спокойна.

Мир разлетается на множество осколков, больших и маленьких. Уже не существует континентов в том смысле, что кто-то чувствует себя европейцем, африканцем или американцем. То, что предлагает глобализация неолиберализма, — это сеть, сплетенная финансовым капиталом или, если угодно, финансовой властью. Если в одном ее узле — кризис, его эффект будет амортизирован остальной ее частью. Если в одной из стран существует определенный уровень благополучия, его эффект не распространится на остальные страны. Таким образом, эта сеть не действенна, все то, что нам об этом говорили — ложь мирового масштаба, речь, столько раз повторенная лидерами Латинской Америки, будь то Менем, Фухимори, Седильо или другие руководители

соответствующих моральных качеств. В действительности оказывается, что сеть эта сделала национальные государства гораздо более уязвимыми. Сейчас она заканчивает их уничтожение, и на этот раз — за счет внутренних эффектов. И любые усилия любой из стран по достижению внутреннего равновесия и поиск собственного пути для своего народа оказываются тщетными. Все зависит от того, что произойдет в японском банке, от того, как поведет себя русская мафия или спекулянт в Сиднее. Так или иначе, национальные государства не могут спастись, приговор им окончателен и обжалованию не подлежит. Когда национальное государство соглашается на вступление в эту сеть — потому что нет другого выхода, его к этому вынуждают, хочет оно того или нет, — оно подписывает собственное свидетельство о смерти.

В результате мировой рынок стремится к одному — к превращению всех этих островов не в страны, а в свои торговые центры. Можно попасть из одной страны в другую и увидеть везде одни и те же продукты, уже нет никакой разницы. В Париже и в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас можно потреблять одно и то же; находясь в Сан-Кристобале-де-Лас-Касас, можно в то же время быть и в Париже и узнавать одни и те же новости. Это — конец национальных государств. И не только их — это конец людей, из которых состоят эти государства. Единственное, что важно, — это закон рынка; именно он определяет, что если ты производишь столько-то — то стоишь столько-то, а если потребляешь столько-то — то стоишь столько-то. Достоинство, сопротивление, солидарность — помехи. Все, что мешает превращению человека в машину по производству и покупке товаров, — это враг, который должен быть уничтожен. Поэтому мы говорим, что противником в Четвертой мировой войне является весь род человеческий. Не уничтожая его физически, она уничтожает в нем все человеческое.

Но, как это ни парадоксально, с разрушением национальных государств достоинство, сопротивление и солидарность возникают вновь и вновь. И нет уз более сильных и прочных, чем те, что существуют между группами отличных от других — между гомосексуалистами, лесбиянками, молодежью и мигрантами. Поэтому эта война ведется и против тех, кто отличается. Именно в этом — причины мощных расистских кампаний в Европе и Соединенных Штатах против тех, у кого смуглая кожа, тех, кто говорит на другом языке или принадлежит к другой культуре. В том, что остается от национальных государств, ксенофобия культивируется в виде угроз вроде: «Эти турецкие мигранты хотят отобрать у тебя работу», «Эти мексиканские мигранты приехали к нам, чтобы насиловать, воровать и распространять среди нас свои дурные привычки». Национальные государства или то небольшое, что от них остается, поручают новым гражданам мира миссию избавления от мигрантов. И потому процветают такие группы, как Ку-Клукс-Клан, и к власти приходят персонажи такой выдающейся порядочности, как Берлускони. Все они приносят свой вклад в кампанию ксенофобии. Ненависть к другим, преследования всех, отличных от остальных, становятся мировым явлением. Перед лицом этой агрессии различия множатся и укрепляются. Я не хочу квалифицировать это как что-то хорошее или плохое, но сегодня это так.

Война ведётся не только оружием

В чисто военном отношении у Третьей мировой войны была своя логика. В первую очередь эта война была конвенциональной, строившейся на том, что каждая сторона выставляет своих солдат, они сражаются и выживший побеждает. Это происходило на одной специально отведенной для этого территории, которой, в случае сил Организации Североатлантического альянса, НАТО, и сил Варшавского договора, была Европа. С началом этой конвенциональной, то есть ведущейся между армиями, войны была начата и гонка вооружений.

Рассмотрим некоторые детали. Это (показывает винтовку) — полуавтоматическое оружие, называется оно AP-15, автоматическая винтовка. Ее создали для войны во Вьетнаме, и разобрать ее можно очень быстро (разбирает ее) — раз, и готово. Когда ее сделали, североамериканцы думали о сценарии конвенциональной войны, то есть о столкновении крупных воинских контингентов. «Отправим много солдат, бросим их в бой и кто-нибудь да останется.» В то же время, Варшавский договор разрабатывал автомат Калашникова, известный больше, как АК-47, оружие с большой огневой мощностью на коротких дистанциях, до 400 метров. Советская концепция подразумевала волновые атаки войск: сначала выдвигалась и открывала огонь первая линия, и если она гибла, в бой вступали вторая и третья. Побеждал тот, у кого больше солдат. Тогда североамериканцы пришли к выводу, что старый «Гаранд» времен Второй мировой войны им уже не годится, а нужно оружие с большой огневой мощностью для коротких дистанций. Так они разработали AP-15 и испытали ее во Вьетнаме. Но она себя не оправдала. Когда их атаковал «Вьетконг», механизм не закрывался и вместо выстрела винтовка просто щелкала. Но это был не фотоаппарат, а оружие. Потом они попытались решить эту проблему с помощью модели M-16A1. Здесь загвоздка заключалась в том, что в этой винтовке используются два вида патронов. Один, гражданский, сечением в 2,223 дюйма — их можно купить в любом магазине Соединенных Штатов. И другой — 5,56-миллиметровый, находящийся исключительно на вооружении сил НАТО. Эта пуля очень эффективна, и у нее есть одна хитрость. Целью войны является нанесение противнику потерь, а не убийство его солдат, потому что потерей в армии считается просто вывод солдата из строя, когда он уже не может воевать. Женевская конвенция — договор с целью гуманизации войны — запрещает разрывные пули, потому что когда они попадают в цель, они гораздо более разрушительны и смертельны, чем обычные пули с твердым сердечником.

«Поскольку цель в повышении числа раненых и понижении убитых, — сказали в Женеве, — запретим разрывные пули». Попадание пули с твердым сердечником выводит тебя из строя, ты являешься потерей, но если только пуля не поражает жизненно важный центр, тебя не убивает. Для выполнения Женевской конвенции и осуществления своей хитрости североамериканцы создали пулю с мягким сердечником, которая, входя в человеческое тело, надламывается и начинает вращаться. Входное отверстие одного размера, а выходное — намного больше. Эта пуля намного хуже разрывной и не нарушает договоров. Тем не менее, если она попадает тебе в руку — ты остаешься без руки. Пуля 162 может пробить тебя насквозь, но только ранит, эта же разрывает тебя на куски. И, как бы случайно, мексиканское правительство только что купило 16 тысяч таких пуль.

То есть для каждого конкретного сценария создавалось соответствующее оружие. Предположим, что ядерное оружие использовать не хотели. Что же использовали? Большие количества солдат против больших количеств солдат. Так были созданы доктрины конвенциональной войны НАТО и Варшавского договора.

Второй возможностью была ограниченная ядерная война, война с использованием ядерного оружия, но только в определенных местах. Между двумя сверхдержавами существовала договоренность не атаковать друг друга на собственных территориях, а вести войну исключительно на территории нейтральной. Излишне говорить, что этой территорией была Европа. Именно там должны были падать бомбы, а там уж было бы видно, кто останется в живых в Европе Западной и в той, что называлась Восточной.

И последней возможностью Третьей мировой войны была всеобщая ядерная война, оказавшаяся большим бизнесом, бизнесом века. Логика ядерной войны заключалась в том, что в ней не могло быть победителя, неважно, кто начинал; как бы он ни начинал, другой обязательно успел бы ответить. Взаимное разрушение было гарантировано, и с самого начала стороны просто отказались от такой возможности. Этот вариант превратился в то, что в терминах военной дипломатии стало называться «политикой сдерживания».

Для того чтобы Советы не использовали против них свое ядерное оружие, североамериканцы создали много собственного ядерного оружия, и чтобы североамериканцы не использовали это ядерное оружие, Советы создали еще больше ядерного оружия, и так по нарастающей. Называлось это оружие межконтинентальным баллистическим, были это ракеты, готовые лететь из России в Соединенные Штаты и из Соединенных Штатов в Россию. Стоили они бешеных денег и сейчас уже ни на что не годны. Существовали и другие виды ядерного оружия для местного использования, которые должны были быть применены в Европе в случае локальной ядерной войны.

В момент начала этой фазы, в 1945 году, такая война имела определенный смысл, потому что Европа была разделена на две части. Военная стратегия — а говорим мы сейчас об аспектах чисто военных — заключалась в следующем: некоторые продвинутые посты непосредственно перед позициями противника, за ними — постоянная стратегическая линия, и уже за ней — тылы, в данном случае Соединенные Штаты или Советский Союз. Со стратегической линии производилось снабжение продвинутых постов. В воздухе 24 часа в сутки находились огромные «летающие крепости» Б-52, с ядерными бомбами на борту, которые благодаря дозаправке в воздухе не нуждались в посадке. Кроме того, существовали пакты. Пакт НАТО, Варшавский договор и СЕАТО (Организация договора о Юго-Восточной Азии), — что-то вроде НАТО для азиатских стран. Эта схема вводила в действие локальные войны. Все это имело свою логику, и было логично воевать во Вьетнаме, который был одним из согласованных сценариев. В роли продвинутых постов выступали местные армии или повстанцы, функцию стратегических линий выполняли линии подпольной или легальной поставки оружия, а в роли тыла выступали две сверхдержавы. Была еще договоренность о зонах, которым отводилась роль зрителей. Наиболее очевидные примеры этих локальных войн — латиноамериканские диктатуры, азиатские конфликты, в частности, Вьетнам, и войны в Африке. Казалось, это не имело абсолютно никакой логики,

потому что в большинстве случаев было совершенно непонятно, что происходит, но все происходившие события были частью схемы конвенциональной войны.

Именно в это время — и это важно — разрабатывается новая концепция «тотальной войны»: в военную доктрину включаются невоенные элементы. Например, во Вьетнаме, начиная с наступления в праздник Тет (1968 год) и заканчивая взятием Сайгона (1975 год), средства массовой информации превращаются в новый очень важный фронт боевых действий. Так, среди военных получает распространение идея, что только одной военной мощи недостаточно — необходимо включить в войну и другие элементы, такие, как средства массовой информации, и что противника можно атаковать и средствами экономическими, и политическими и даже дипломатическими, где особая роль отводится Организации Объединенных Наций и международным организациям. Некоторые страны организовали акты саботажа, чтобы добиться осуждения и обвинений в адрес других, то есть то, что было названо «дипломатической войной».

Все эти войны следовали логике домино. Как ни несерьезно это звучит, казалось, два соперника играют в домино с остальным миром. Один противник клал свою костяшку, а другой старался ответить своей, чтобы осложнить сопернику продолжение игры. Это — логика просвещенного персонажа по имени Киссинджер, государственного секретаря правительства США времен войны во Вьетнаме, говорившего: «Мы не можем уйти из Вьетнама, потому что это значило бы сдать другим партию домино в Юго-Восточной Азии». И поэтому они сделали во Вьетнаме то, что сделали.

Кроме этого, предпринимались попытки возродить логику Второй мировой войны. Для большинства населения ее логика была окрашена героизмом. В ней — образ морской пехоты, освобождающей Францию от диктатуры, освобождающей Италию от дуче, освобождающей Германию от военных, со всех сторон наступающей Красной Армии. Разумеется, смыслом Второй мировой было уничтожение врага, угрожавшего всему человечеству — национал-социализма. Поэтому локальные войны попытались в том или ином виде возродить мысль «мы защищаем свободный мир», но на этот раз роль национал-социализма отводилась Москве. И Москва, в свою очередь, делала то же самое: обе сверхдержавы старались использовать как аргумент «демократию» и «свободный мир» согласно собственным понятиям.

Потом наступает Четвертая мировая война, аннулирующая все предыдущее, потому что мир уже стал другим и ту же самую стратегию применить невозможно. Концепция «тотальной войны» развивается дальше — теперь это уже не только война на всех фронтах, но и война, которая может вестись в любом месте, тотальная война, при которой в игру включен весь мир. «Тотальная война» значит: война в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Уже не существует идеи боя за какое-то конкретное место, бой может быть дан в любой момент; больше нет логики эскалации конфликта и обмена угрозами, захвата позиций и попыток наступления. Конфликт может возникнуть в любой момент и при любых обстоятельствах. Он может быть вызван какой-нибудь внутренней проблемой, каким-нибудь диктатором, всем тем, чем были вызваны войны последних пяти лет — от Косово до войны в Персидском заливе. Таким образом отменяется вся военная рутина «холодной войны».

В рамках Четвертой мировой войны невозможно вести войну, исходя из критериев Третьей, потому что сейчас мне уже необходимо воевать в любом месте, я не знаю, ни куда попаду, ни когда это случится, я должен действовать быстро, об обстоятельствах, ждущих меня в этой войне, мне тоже ничего неизвестно. Чтобы решить эту проблему, военные сперва разработали войну «быстрого развертывания». Примером этого может служить война в Персидском заливе, потребовавшая большого накопления военной силы в короткий промежуток времени, крупномасштабных боевых действий в течение короткого времени, завоевания территорий и отхода. Вторжение в Панаму — это другой пример действия этих сил «быстрого развертывания». Кстати, в НАТО тоже есть контингент, именуемый «силами быстрого реагирования». Быстрое развертывание заключается в том, что мощь колоссальной военной машины обрушивается на врага и не делает различия между детской больницей и заводом по производству химического оружия. Это происходило в Ираке — умные бомбы оказались достаточно глупы и не различали цели. И на этом военные остановились, потому что поняли, что обходится им это очень дорого и толку от этого мало. В Ираке они осуществили развертывание, но завоевания территорий не было. Возникли проблемы с местными протестами, появились международные наблюдатели за соблюдением прав человека.

И военные вынуждены были отступить. Вьетнам их уже научил тому, что настаивать в таких случаях неразумно. «Нет, мы уже не можем этого делать», — сказали они. Тогда они перешли к стратегии «проекции силы». «Вместо того, чтобы создавать североамериканские базы по всему миру, сконцентрируем лучше все в одну большую континентальную силу, которая в течение считанных дней и часов сможет перебросить наши боевые соединения в любую точку мира». И действительно, за четыре дня они могли доставить в самое отдаленное место планеты дивизию из четырех или пяти тысяч солдат и больше, с каждым разом все больше.

Но если проекция силы опирается на своих, то есть североамериканских солдат — возникает проблема. Они считают, что если конфликт не будет разрешен быстро и начнут приходить цинковые гробы, как во время Вьетнамской войны, — это сможет вызвать множество внутренних протестов как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Для того чтобы избежать этих проблем, военные отказались от идеи проекции силы, преследуя при этом, насколько мы понимаем, чисто меркантильный интерес. Они подсчитывали не масштабы уничтожения живой силы или природы, а степень ущерба своему имиджу. Таким образом, идея войны-проекции была отложена в сторону, и они перешли к разработке новой военной модели с участием местных солдат плюс международная поддержка плюс участие еще одной наднациональной инстанции. Уже не нужно никуда отправлять солдат, потому что воевать можно будет за счет чужих солдат, местных, оказывать им поддержку согласно требованиям, возникающим в ходе конфликта, и не использовать схему, при которой войну объявляет одна страна, — необходимо прибегнуть к международной инстанции, такой как ООН или НАТО. Таким образом, получается, что местные солдаты делают грязную работу, а в новостях появляются североамериканцы и получаемая ими международная поддержка. Такая вот модель. Протестовать уже бесполезно — эти войны не ведет правительство Соединенных Штатов, это война НАТО, и кроме того, единственное, что делает НАТО, — это оказание услуг и помощь ООН.

Реорганизация армий во всем мире проводится для того, чтобы они смогли, пользуясь международной поддержкой, под наднациональным прикрытием и под видом гуманитарной войны принять участие в локальном конфликте. Речь сейчас идет о спасении населения от геноцида путем его уничтожения. Именно это произошло в Косово. Милошевич начал войну против человечества: «Если мы воюем с Милошевичем, значит, мы защищаем человечество». Это был аргумент, использованный генералами НАТО и принесший столько проблем европейским левым, — выступить против бомбардировок НАТО значило для них поддержать Милошевича, и поэтому они предпочли поддержать бомбардировки НАТО. И, как вам известно, Милошевича вооружили Соединенные Штаты. В действующей сегодня военной концепции весь мир — будь то Шри Ланка или любая самая отдаленная страна планеты — является задним двором, потому что процесс глобализации вызывает эффект одновременно. И проблема как раз в этом: все, что бы ни произошло в этом глобализованном мире, в любом его месте затрагивает интересы нового мирового порядка. Мир уже перестал быть миром, он — деревня, и все очень близко. Поэтому главные полицейские мира, и в частности, Соединенные Штаты, имеют право на вмешательство в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах. Они могут воспринять как угрозу своей внутренней безопасности все что угодно, например, они могут решить, что восстание индейцев в Чьяпасе или тамилы на Шри Ланке или что угодно другое является для них непосредственной угрозой. Любое движение в любом месте планеты, причем совершенно необязательно вооруженное, может быть воспринято ими как угроза их внутренней безопасности.

Что же случилось? Почему исчезли старые военные стратегии и концепции? Посмотрим.

«Театр военных действий» — это термин, указывающий на место, где ведется война. В Третьей мировой войне театром военных действий была Европа. Сейчас уже неизвестно, где может вспыхнуть конфликт; это может произойти в любом месте и необязательно в Европе. Поэтому военная доктрина переходит от того, что называлось «системой», к тому, что они называют «гибкостью». «Я должен быть готов действовать как угодно и в любой момент. Одной схемы мне уже недостаточно, мне необходимо множество схем, причем не только чтобы выстроить ответ на определенные события, но и чтобы выстроить множество военных ответов на определенные события». И здесь открывается широкое поле действия для информатики. Эта перемена вызывает переход от систематического, квадратного и жесткого к гибкому, к тому, что может измениться с минуты на минуту. И это определит всю новую военную доктрину армий, воинских корпусов и солдат. Это является одним из основных элементов Четвертой мировой войны. Другой ее элемент — это переход от «стратегии сдерживания» к стратегии «расширения» или «распространения»; речь идет уже не только о завоевании территорий и сдерживании противника, сейчас важно суметь распространить конфликт на то, что они называют «невоенными акциями». В случае с Чьяпасом это выражено в постоянном снятии и назначении губернаторов и муниципальных председателей, с изменением тактики в отношении прав человека, средств массовой информации и т.д.

В новую военную концепцию включена интенсификация завоевания территорий. Это значит, что уже недостаточно покончить только с САНУ и ее военными силами,

нужно заняться еще и церковью, неправительственными организациями, международными обозревателями, прессой, мирным населением и т.д. Уже нет мирных жителей и нейтральных сил. Весь мир — участник конфликта.

Это подразумевает то, что национальные армии уже не годятся, потому что им уже не надо защищать национальные государства. Если национальных государств больше нет, что им защищать? Согласно новой доктрине, национальным армиям отводится роль местной полиции. В случае Мексики это хорошо заметно: мексиканская армия все больше занята чисто полицейской деятельностью, такой как борьба с наркобизнесом, или же возникает новый орган по борьбе с организованной преступностью, который называется федеральной полицией по предупреждению преступности и состоит из военных. Речь, стало быть, о превращении национальных армий в полицию в стиле североамериканского комикса о Суперкопе. Когда будет проведена реорганизация армии в бывшей Югославии, она превратится в местную полицию, и НАТО станет ее Суперкопом, говоря политическим языком — ее старшим партнером. Звездой в этих случаях является наднациональная инстанция — НАТО или армия США, местные армии — это часть массовки.

Но национальные армии были созданы исходя из доктрины «национальной безопасности». В случае наличия врага или угрозы безопасности страны их дело было поддерживать эту безопасность, иногда перед лицом внешнего противника, а иногда перед внутренним врагом, дестабилизирующим страну изнутри. В этом заключалась доктрина Третьей мировой войны, или «холодной войны». Учитывая этот момент, в рядах национальных армий был развит определенный уровень национального сознания, затрудняющий их сегодняшнее превращение в полицейских друзей Суперкопа. Поэтому доктрину национальной безопасности необходимо превратить в доктрину «национальной стабильности». Дело уже не в защите страны. Поскольку главным врагом национальной стабильности является наркобизнес и это мировое явление, национальные армии, действующие в рамках доктрины национальной стабильности, готовы к получению международной помощи и к международному вмешательству в других странах.

Во всем мире существует проблема реорганизации национальных армий. Сейчас мы спустимся к Америке и оттуда — к Латинской Америке. Процесс этот в общих чертах тот же, что и в Европе в случае войны НАТО в Косово. В Латинской Америке существует Организация американских государств, ОАГ, обладающая системой защиты полушария. Согласно идее бывшего аргентинского президента Менема, все латиноамериканские страны находятся под угрозой, и нам необходимо объединиться, лишить наши армии национального сознания и под знаменем доктрины общей защиты полушария и под предлогом борьбы с наркобизнесом создать одну большую армию. Учитывая, что речь идет о гибкости, то есть о готовности начать войну в любой момент, в любом месте и при любых обстоятельствах, начинают политические маневры. Эта система защиты полушария должна покончить с немногими до сих пор существующими бастионами национальной обороны. В Европе это было Косово, в случае Латинской Америки — это Колумбия и Чьяпас. Как создать такую систему защиты полушария? Есть два пути. В Колумбии, где существует угроза наркобизнеса, правительство обращается ко всем с просьбой о помощи: «Необходимо вмешаться, потому что наркобизнес — это угроза не только для Колумбии, но и для всего конти-

нента». В случае Чьяпаса применяется формула тотальной войны. Все являются ее участниками, нет нейтральных — или ты союзник, или противник.

Новое завоевание

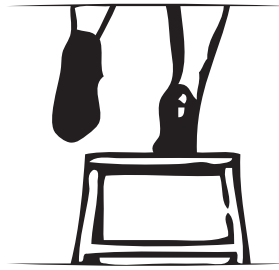
Дробя, превращая мир в архипелаг, финансовая власть стремится к созданию нового торгового центра в Чьяпасе, Белизе и Гватемале, который будет развивать туризм и контролировать природные богатства.

Кроме того, что в этих местах много нефти и урана, здесь много индейцев. И индейцы мало того что не говорят по-испански, они не хотят иметь кредитных карточек, ничего не производят, заняты выращиванием маиса, фасоли, перца и кофе, и, кроме того, у них хватает наглости танцевать под маримбу и не пользоваться при этом компьютером. Они не потребители и не производители. Они излишни. А все излишнее должно быть уничтожено. Но они не хотят ни уходить, ни переставать быть индейцами. Более того, их борьба — не за власть. Они борются за то, чтобы их признали как индейские народы, чтобы признали их право на существование, не заставляя превращаться в других. Но проблема в том, что здесь, на этой территории, пребывающей в состоянии войны, на сапатистской территории, находятся основные индейские культуры, их языки и богатейшие нефтяные месторождения. В САНО участвуют индейские народы — цельталь, цоциль, тохолабаль, чоль, соке, мам — и метисы. Это карта Чьяпаса — общины с индейским населением, нефтью, ураном и ценными породами дерева. И этих индейцев надо убрать отсюда, потому что они не воспринимают землю так, как это понимает неолиберализм. Для неолиберализма все является товаром, все продается и эксплуатируется. А эти индейцы смеют говорить «нет», потому что земля — это мать, потому что она хранит их культуру, потому что в ней живет их история и потому что в ней живут их мертвые. Сплошной абсурд, который не вмещается ни в один из компьютеров и не котируется ни на одной из бирж. И совершенно невозможно убедить этих индейцев в том, чтобы они вернулись к благоразумию, научить их думать правильно — не хотят и всё! И даже восстали с оружием в руках. Именно поэтому, считаем мы, мексиканское правительство не хочет мира; то, чего оно хочет — это покончить с этим противником, опустошить эту территорию, а потом вновь организовать ее и превратить в большой торговый центр, в гипермаркет юго-востока Мексики. САНО поддерживает индейские народы, поэтому она тоже является врагом, но не главным. Договориться с САНО недостаточно, тем более, что договориться с САНО значит отказаться от захвата территории, богатой нефтью, ураном и ценными породами дерева.

Поэтому они этого не допустили и не допустят.

Ла Реалидад, Чьяпас, 20 ноября 1999 г.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Субкоманданте Маркос
Четвёртая Мировая война
20 ноября 1999 г.

Скопировано 2018-10-14 с https://scepsis.net/library/id_576.html
(Фрагмент выступления перед Международной гражданской комиссией
наблюдателей по соблюдению прав человека)

Перевод с испанского Олега Ясинского

Опубликовано в книге: Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты
против нового мирового порядка. Б.м., Гилея, 2002.

ru.theanarchistlibrary.org